

Воронежский заповедник: Люди и Судьбы

*Ермолова Е.К.
Стародубцева Е.А.*

КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ
ЕРМОЛОВ

(1912–1992)

Воронеж
БиомикаАктив
2013

«Счастьем было ходить с ним по лесу.
Охотовед Воронежского заповедника
Кирилл Сергеевич Ермолов
дарил открытия на каждом шагу.

Художником был во всем:
прекрасно фотографировал
природу, превосходно
о ней рассказывал.

Казалось, что все издательства,
все ученые только приложение к нему.
За уроками Ермолова приезжали
в заповедник известные биологи,
писатели, художники, фотомастера.
Главное – он был олицетворением любви
к лесу, животному миру, к людям.»

Н. Стребков
«Легенды Воронежа». 1999

ДЕТСТВО

Родился Кирилл Ермолов 4 апреля 1912 года в городе Ельце (тогда Орловской губернии, а в наши дни Липецкой области). В этот день православные христиане отмечали «чистый четверг» – шла последняя страстная неделя перед празднованием Светлой Пасхи Христовой.

Четверг был «чистый» на Страстной неделе,
Посту и холодам настал конец...
В весенний день, четвертого апреля,
Под звон колоколов рожден отец...

Елена Ермолова

Во всех церквях города звонили колокола, возвещая об окончании церковной службы, на которой был отец младенца – Сергей Васильевич Ермолов. Он был глубоко верующим человеком и старался не пропускать ни одной литургии в святом храме, расположенном неподалеку от их дома.

Сергей Васильевич был очень обрадован рождению первенца, об этом событии он сказал своей жене, Александре Касьяновне: «Вот как чудно получилось: уходил в храм – семья была из двух человек, а возвратился – стала из трех». Сына своего родители хотели назвать Николаем, но когда понесли его крестить в церковь, то батюшка рассоветовал, сказав, что до дня святителя Николая еще далеко, тут поближе праздник есть: Кирилла и Мефодия – учителей словенских, вот и назовите вашего сына Кириллом. Сергей Васильевич послушался мудрого совета, так и окрестили сына этим именем, которое впоследствии самому его владельцу очень нравилось. Через много лет Кирилл сам стал учителем, возможно, имя повлияло на его судьбу.

Родители Кирилла были людьми простыми. Сергей Васильевич, столяр-краснодеревщик, работал на железной дороге, делая деревянные детали для паровозов. В свободные вечера и выходные он не терял времени даром и, если не было какого-либо церковного праздника, отправлялся на чердак дома в свою столярную мастерскую: там при свете керосиновой лампы он делал различную мебель на заказ для купцов и других зажиточных граждан города. Порой обращались к краснодеревщику и фотографы – корпус фотоаппарата и многие его детали были в то время деревянными. Делал Сергей Васильевич все очень точно, красиво и прочно, поэтому платили ему хорошо. Се-

Сергей Васильевич и Александра Касьяновна Ермоловы. 1911 г.

большим грехом. Сергей Васильевич среди горожан считался человеком честным, добрым и очень порядочным. Он не имел вредных привычек, не знал даже вкуса вина. По тому времени был довольно-таки грамотным человеком: в детстве с отличием окончил церковно-приходскую школу, очень хорошо умел рисовать, имел большую тягу к знаниям. Учителя, видя такое рвение к образованию, хотели устроить его бесплатно обучаться в гимназию, но родители отказались, они видели в сыне своего будущего кормильца и отдали его в ученики к немцу-столяру, у которого Сергей Васильевич и выучился чудесному мастерству. Однако быть кормильцем ему не пришлось – по достижении определенного возраста его забрали в армию, где он прослужил около двадцати лет.

мья Ермоловых благодаря этой подработке ни в чем не нуждалась. Маленький Кирилл нередко приходил к отцу в его мастерскую и подолгу наблюдал за его работой, иногда оказывал посильную помощь.

По воскресеньям и большим церковным праздникам все, как правило, отправлялись на церковную службу. Бывало, хорошо знавшие Сергея Васильевича служители храма тоже заказывали необходимую им мебель или резные рамы под иконы. Тот никогда им ни в чем не отказывал, выполняя эту работу быстро, тщательно и бесплатно – брать с церкви деньги считал

Интересна история происхождения фамилии Ермоловых. В одном из номеров газеты «Советская Россия» была написана статья о К.С. Ермолове под названием «Генеральская фамилия», в которой упоминалось, что свою фамилию получил в дар дед Кирилл Сергеевич – Василий Кириллович, работавший поваром у сына генерала Ермолова. С ним вместе служила генеральской семье и его жена Василиса Карповна. Она умело плела знаменитые елецкие кружева, была тонкопряхой и очень красивой женщиной. Василиса нравилась не только своему мужу, но и генеральскому сыну. В городке поговаривали, что ее старший сын, Сергей Васильевич, походил внешностью на именитого барина. Сам Кирилл Сергеевич придерживался иной версии, рассказывая, что фамилия деду была подарена при отмене крепостного права за хорошую и верную службу семье генерала Ермолова.

Александра Касьяновна, мать Кирилл Сергеевича, родилась в очень бедной семье. Родители не смогли дать детям образование, но, как и Сергей Васильевич, Александра стремилась получить знания любым путем. Первым ее учителем, по-видимому, был муж, у которого она выучилась читать и писать, потом – книги. Она очень любила читать до глубокой старости, а будучи в преклонном возрасте и сама написала что-то вроде мемуаров для детей и внуков:

Родилась я в Орле,
В Монастырской слободе,
На берегу реки Оки,
Где удят рыбу старики.
Стояла там одна избушка –
Владелица ее старушка,
Лексевною ее все звали,
У ней каморку мы снимали
С одним окном
И очень низким потолком.

Александра вышла замуж за Сергея Васильевича в возрасте 19 лет, когда тому было уже сорок. Несмотря на большую разницу в возрасте они любили и понимали друг друга. Незадолго до их встречи цыганка нагадала Александре, что та в скором времени выйдет замуж за лохматого медведя. Александра не поняла тогда предсказанье и была им напугана. Однажды в гостях у своих знакомых она увидела низкорос-

*Кирилл, Михаил и Ирина Ермоловы
с отцом и дедушкой. 1917 г.*

лого, коренастого, бородатого мужчину, который в самом деле чем-то напоминал добродушного медведя. Они сразу понаравились друг другу и вскоре сыграли свадьбу. Было это в 1911 году. В апреле 1912 появился на свет первенец Кирилл, в 1913 г. – второй сын Михаил, в 1915 – дочь Ирина, в 1917 – еще одна дочь, Александра, названная в честь матери, в 1920 г. сын – Николай. Дети, как и их родители, росли богобоязненными, вместе с отцом и матерью часто ходили на службу в храм. Совсем маленьким, полутора

лет от роду Кирилл вместе с родителями совершил паломничество в Задонский монастырь. Большую часть пути его несли на руках или везли в детской коляске родители. Из этого своего первого путешествия он запомнил только длинный путь да яркий отсвет позолоченных куполов храма.

У маленького Кирилла была очень хорошая память – уже к 5-6 годам он знал наизусть почти все молитвы из Литургии. В этом возрасте он мечтал стать священником. Вспоминая о своем детстве, он рассказывал, как вечерами всей семьей они молились у икон, как отец читал им главы из Библии, а перед большими церковными праздни-

ми в семье начиналась настоящая предпраздничная суэта. Все в доме были заняты: кто ножом до блеска начищал дощатые полы, кто чистил огромный самовар, кто мыл окна и двери, наряжал и украшал комнаты, словом, все, кому было три года и старше, включались в работу по дому. Пока дети были заняты уборкой и украшением дома, мать готовила обед. Так что к празднику было все готово. После возвращения из церкви с заутрени вся семья садилась за большой круглый стол. Сергей Васильевич, как глава семейства, раздавал всем хлеб, затем поливал маслом жареную или вареную картошку, и только потом по его команде начиналась трапеза. Затем на стол ставили большой, начищенный как зеркало, самовар. Сергей Васильевич был особенный любитель чая. Бывало, когда встречался со своими друзьями или сослуживцами в кафе, то по их просьбе заказывал им хорошее вино, а те в свою очередь угощали его чаем с лимоном. Видимо поэтому, а может и по какой другой причине, Сергей Васильевич никогда не болел и обладал крепостью и необыкновенной силой. Однажды знакомые попросили его помочь поднять большой рояль на второй этаж дома. За дело взялись четверо здоровых мужчин, однако пройти по узкой лестнице вчетвером не получилось. По требованию Сергея Васильевича рояль водрузили к нему на спину, и он один занес музыкальный инструмент на второй этаж.

Радостно, беззаботно и быстро пронеслись детские

годы Кирилла в кругу родной семьи, но на пороге отрочества случилось большое горе – не стало отца. Шел тысяча девятьсот двадцать первый год, в стране продолжалась гражданская война, есть было почти нечего. За продуктами выстраивались огромные очереди, доходившие до ста и более человек; порой привезенных продуктов хватало только нескольким десяткам граждан. Однажды Сергей Васильевич в такой очереди за картофелем отстоял с раннего утра до позднего вечера. За ним стояла женщина, которая жаловалась на то, что ее дожидаются четверо детей, а в доме пусто. Сергей Васильевич, будучи отзывчивым человеком, уступил ей свою очередь, а сам остался без картофеля – товар закончился. Усталый, замерзший, голодный, с пустой сумкой он вернулся домой. Когда жена стала снимать с него сапоги, то оказалось, что к ним примерзли вместе с носками ноги. Конечно, сразу же приняли меры: обогрели, напоили горячим чаем, но никогда ничем не болевший мужчина на этот раз заболел. Заболел серьезно, хотя поначалу о своем недуге никому не говорил и как всегда продолжал ходить на работу. Позже начались сильные боли в спине, поднялась температура. Александра Касьяновна наконец уговорила мужа идти в больницу, но было уже поздно. Врачи сокрушенно разводили руками: мол, ничем, к сожалению, помочь не можем. 21 марта 1921 года Сергея Васильевича не стало. Александра в двадцать восемь лет осталась одна, на руках у нее было пятеро детей. Старшему Кириллу было около девяти лет, а младшему Николаю – всего полгода.

Кирилл в том году должен был пойти в школу, но нужно было помогать матери. Александра устроилась работать прачкой, кормить большую семью было трудно. Неподалеку от дома Ермоловых был большой базар, товар туда привозили на лошадях. Торговцы, не имея возможности отлучиться от своего товара, просили местных мальчишек поить лошадей. Река Сосна протекала под горою, спускаться к ней с пустыми звенящими ведрами было одно удовольствие, но зато как тяжело было тащить в гору наполненные водой эти же самые ведра! За каждое ведро мальчишкам платили одну копейку, в то время на эти деньги можно было купить тарелку какой-нибудь каши. Маленькому Кириллу приходилось доставлять по двадцать-тридцать, а порой и больше ведер воды – этим и зарабатывал на хлеб и кашу себе, младшим братьям и сестрам. Но этих денег все равно было мало. Обучившись у знакомого мастера переплетному делу, Кирилл стал подрабатывать переплетчиком книг. Его ра-

боту высоко оценил известный в Ельце немец-фотограф. Посетив семью Ермоловых, он был поражен крайней нуждой и бедностью. Оставив большую сумму денег в качестве помощи, немец сказал матери, что такого одаренного и способного мальчика необходимо учить. Александра Касьяновна пообещала, что даст всем своим детям должное образование. На эти деньги мама купила Кириллу костюм, и той же осенью он пошел в школу.

Кирилл с сестрой Ириной и братом Николаем. 1928 г.

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

Грамота давалась Кириллу легко, но годы учебы были омрачены начавшимся гонением на церковь. Семья Ермоловых была глубоко верующей, и хотя в церковь теперь ходили не часто, все члены семейства молились дома перед иконами и постоянно носили нательные крестики. Выйти из дома без креста и молитвы считалось большим грехом. Над ними стали насмехаться, но Кирилл по-прежнему не мог отказаться от ношения креста и веры в Бога. За это ему сильно доставалось от учителей: они занижали отметки, оставляли без обеда, ставили в угол. Еще больше приходилось терпеть от атеистически настроенных сверстников, которые постоянно избивали Кирилла, порой очень жестоко. Один раз после очередных побоев мальчик пролежал дома несколько дней. Мать ходила к учителям, просила не наказывать сына за веру, но все было тщетно. Кирилла перевели в другую школу, но и там повторилось то же самое. Пришлось поменять несколько школ, прежде чем удалось найти такую, где он смог спокойно получить основное образование.

Школа эта располагалась в той самой гимназии, где когда-то учился Михаил Пришвин, а уроки географии и биологии вел бывший одноклассник и друг этого замечательного писателя. Учитель географии был увлеченным человеком, почти все заработанные за год в школе деньги он тратил на путешествия по родной стране. Из этих странствий каждый год осенью он привозил своим ученикам интересные рассказы о местах, где ему удалось побывать. Свои рассказы он сопровождал фотографиями. Слушать его повествования было одно удовольствие. С тех пор Кирилл Ермолов полюбил природу, путешествия и фотографическое дело. Последнее для него сначала было недостижимой заветной мечтой, так как купить фотоаппарат в то время было сложно – они были редки и стоили очень дорого. Поэтому фотоаппарат он решил сделать сам – приобрел книгу по фотоделу, самостоятельно изучил его устройство и, благодаря непродолжительным, но таким полезным урокам отца, сделал многие необходимые детали и корпус фотоаппарата из дерева. Затвор и объектив он купил у знакомых фотолюбителей. Так сбылась заветная мечта – вскоре Кирилл напечатал первые фотографии. Это были фото родного дома, портреты членов семьи. Первые фотографии были не очень качественные, но постепенно пришло мастерство.

После окончания основной школы Кирилл по примеру своего отца поступил в школу Ученичества по паровозо-слесарной специальности при депо города Ельца. Здесь он был членом кружка юных

натуралистов, а сам возглавил кружок юных фотографов. Кроме этого, Кирилл посещал авиамодельный кружок, где прыгал с парашютной вышки и учился летать на первых самолетах, брал уроки игры на скрипке у знакомого учителя музыки. Словом, вел бурную ученическую жизнь, подавая во всем пример своим младшим братьям и сестрам.

Однако главным и серьезным увлечением стал интерес к живой природе. В марте 1929 г. семнадцатилетний юноша начинает вести «Дневник природы любителя-натуралиста К. Ермолова», на первых страницах дневника он пишет: *«... Чтобы понять природу, надо ее любить. Чтобы ее понять, надо наблюдать, без любви к наблюдениям все равно ничего не узнаешь. Для меня нет ничего приятнее, как наблюдать за жизнью в природе...»*. Эпиграфом к своему дневнику Кирилл выбрал строки из Д. Веневитинова:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает;
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает.

Привычку вести дневник Кирилл сохранил до конца жизни. Практически ежедневно он скрупулезно описывал погоду, свои дела и наблюдения за животными. В дневнике 1929 г. он писал, как покупал у птицеводов различных птиц или сам ловил их и содержал в клетках, наблюдая за жизнью пернатых; как выкраивал деньги на приобретение литературы, кормов, клеток и снастей для ловли птиц. Кирилл в это время много читал о животных и растениях. Он покупал книги, обменивался литературой с друзьями, выписывал журналы и газеты: «Искры науки», «Юный натуралист» (подписка на 3 месяца стоила 40 коп.), «Охотничья газета»; сам начинал писать заметки-наблюдения для «Юного натуралиста».

В 1929 году Кирилл окончил школу и стал мечтать о высшем биологическом образовании, надеясь, что подросший и почти закончивший обучение Михаил разделит заботы о семье со старшим братом. Однако этому не суждено было сбыться. Играя в снежки, Михаил получил серьезную травму позвоночника: кто-то из мальчишек закатал в снежок камень. Сильные боли в спине, туберкулез позвоночника – не дожив до 16 лет, Михаил умер. Кириллу пришлось отбросить мечту о высшем образовании и поступить в 1929

г. на работу слесарем-автоматчиком в то же самое депо, где он получил образование. Работа была физически тяжелой, приходилось поднимать массивные паровозные детали вручную. Спустя некоторое время Кирилл все чаще и чаще стал ощущать боли в области сердца, со временем они становились все сильнее. Медицинская комиссия обнаружила врожденный порок сердца. Врач сказал, что тяжелый труд противопоказан, и посоветовал по возможности обучиться другой профессии. Так в 1932 г. Кирилл Ермолов стал студентом строительного техникума путей сообщения. За четыре года учебы он научился делать чертежи-проекты различных строительных сооружений, строить мосты через реки и даже выкладывать печи и каминны. Все это пригодилось ему и во время службы в армии, на войне, и в целом в дальнейшей жизни.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ

Н езадолго до окончания техникума, во время летних каникул Кирилл отдыхал у крестного в деревне, где познакомился с тихой и скромной девушкой Аней. Они сразу понравились друг другу и через некоторое время решили создать свою семью, родители благословили их брак. К этому времени сестра Кирилла Ирина окончила школу и бухгалтерские курсы, она обеспечивала себя и помогала матери растить младшую сестру Александру и брата Николая. В апреле 1936 г. Кирилл с молодой женой переехал в село Красное Красненского района Липецкой области, там он работал техником-строителем. Из своего заработка он выкраивал деньги на помощь матери. Вскоре родилась дочка Тонечка. Однако долго находиться в кругу созданной им семьи Кириллу Ермолову не пришлось – в июне 1936 г. его призвали в ряды Красной армии. Он проходил службу в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) неподалеку от города Благовещенска в селе Будунда, находившемся на берегу реки Зеи. По середине реки проходила государственная граница Советского Союза. На противоположном берегу на расстоянии двух километров жили китайцы. С расположенного на реке острова Кирилл Сергеевич с сослуживцами часто наблюдали за китайским берегом.

За время службы в армии бывали и забавные случаи. Вот один из них. Солдат в то время кормили обильно, но невкусно, поэтому много еды оставалось и ее выбрасывали на свалку. Ермолов, путешествуя в лодке по реке, заметил, что в ней водятся сомы, они были не очень большими и стайками плавали возле русского берега. Кирилл предложил своему начальству выбрасывать остатки пищи в реку, чтобы продукты зря не пропадали, пусть, мол, рыбы полакомятся. Начальство согласилось и дало такое распоряжение. Через некоторое время у наших берегов плавали многопудовые сомы, а в солдатской столовой появились вкусные рыбные блюда. Все были довольны – люди и рыбы.

В армии Кирилла Сергеевича все уважали за боевую смекалку, выдержку, смелость и дисциплинированность. В ноябре 1939 г. отличник боевой службы Кирилл Ермолов вернулся домой к жене и маленькой дочке.

К этому времени сестры закончили свое обучение и благополучно вышли замуж. С матерью жил младший брат Николай, но и тот собирался начать самостоятельную жизнь. Кирилл Сергеевич вместе со своей семьей переехал в город Елец поближе к матери.

Анна и Тонечка

Отношение Кирилла к матери всегда было очень трогательным, он обращался к ней только на «Вы», нередко с ней согласовывал свои дальнейшие действия, старался никогда ничем не огорчать, помогал ей во всем. Одним словом, был хорошим сыном. Мать отвечала ему всегда такой же любовью и вниманием, и теперь она была только рада, что ее заботливый старший сын будет жить рядом с ней.

Кирилл Сергеевич устроился на работу техником-картографом и бригадиром чертежно-составительского цеха Юго-Восточного отделения, затем его перевели в отделение «Сельхозаэрозъемки». В свободное от работы время он вместе с женой занимался воспитанием любимой дочери. Не забывал, однако, и о своем увлечении: по выходным ходил фотографировать природу, ловил птиц, продолжал свои наблюдения за их жизнью в неволе, развел в квартире целый ботанический сад – около полусотни площадок с цветами украшали их небольшую, но уютную обитель. Ухаживать за цветами и птицами ему помогали жена и подраставшая Тонечка. Девочка рано научилась у матери вести хозяйственные дела по дому, а у отца – любви и заботе ко всему окружающему. Родители души в ней не чаяли. Но семейное счастье Ермоловых было недолгим. Наступил 1941 год. Как и многие в то время, Кирилл предполагал, что скоро будет война. Но не знал он, что раньше этой ужасной войны случится большое горе в родной семье. В январе заболел дифтеритом родной брат жены – Николай. Он лежал в городской больнице в тяжелом состоянии. Кирилл и Анна часто навещали больного. Через некоторое время Николай пошел на поправку, казалось, беда миновала. Новым ударом стала болезнь Тонечки, диагноз тот же – дифтерит. Ни старания врачей, ни молитвы родителей о выздоровлении единственного ребенка не спасли девочку. Пусто и неуютно стало в доме Ермоловых. Горе родителей было безутешно, и вот на это семейное горе навалилось огромное горе всей страны – началась Великая Отечественная война.

ВОЕННЫЙ
КАРТОГРАФ

Первые полгода Великой Отечественной войны Кирилл Сергеевич Ермолов продолжал жить и работать в родном городе. Он нес службу техника-геодезиста по строительству аэродромов при ГУАС НКВД. С ноября 1941 г. в связи с участвовавшими налетами на город немецких бомбардировщиков его перевели на должность техника-строителя МПВО в ремонтно-строительную контору г. Ельца. В опасных для жизни условиях приходилось строить различные оборонительные сооружения в городе и за его пределами, так как командование предполагало, что путь фашистов на Москву может пройти через г. Елец, и всячески старалось укрепить город от натиска немецко-фашистских захватчиков.

В январе 1942 г., когда стало ясно, что вражеские войска повернули на г. Воронеж и Ельцу опасность больше не грозит, Кирилл Сергеевич и его сослуживцы были призваны в ряды 13-й действующей армии 1-го Украинского фронта под командованием генерала Н.П. Пухова¹. Ермолов служил в должности чертежника-картографа при топографическом отделе штаба армии. С этой армией он прошел из Ельца до Праги, тот же путь проделала и его жена Анна, работавшая поваром на полевой кухне. Потеряв дочь, она не хотела расставаться с любимым мужем и вместе с ним добровольно ушла на фронт. Тогда же были призваны на боевую службу и брат Анны Николай, и возмужавший младший брат Кирилла, и муж сестры Ирины Василий. Младшую сестру Александру с ее мужем Тихоном незадолго до начала войны репрессировали, и теперь они находились в далекой ссылке. Ирина с матерью Александрой Касьяновной остались ждать своих близких в Ельце. На руках у них были дети Александры и Тихона – Надежда и Михаил, дочь Ирины – Светлана. Не все вернулись домой через четыре долгих года: где-то погиб муж Ирины, затерялся в лагерях и муж Александры. Сама же она возвратилась к повзрослевшим без нее детям только в 1953 г., получив амнистию после смерти Сталина.

С января 1942 г. по ноябрь 1945 г. – почти четыре года длился нелегкий боевой путь Ермоловых. Кириллу Сергеевичу поручали чертить карты боевых действий постоянно перемещающейся и зачастую впереди всех наступающей армии. Карты были чрезвычайно точны – командиры удивлялись четкости и аккуратности выполненной работы. Но иначе было и нельзя: ошибка в 1 мм могла стоить жизни

¹ 13-я армия в составе различных фронтов участвовала в Воронежско-Касторинской операции, Курской битве, освобождении Украины, Висло-Одерской, Нижне-Силезской, Верхне-Силезской, Берлинской и Пражской операциях.

целого подразделения. Однажды карта К.С. Ермолова попала к главнокомандующему Г.К. Жукову, тот тоже поразился тщательности ее выполнения и когда по делам наведалься в штаб 13-й армии, то непосредственно увидел картографа за работой. Сам Кирилл Сергеевич частенько рассказывал об этом: «Сижу, значит, за столом, вычерчиваю очередную карту, ее нужно было выполнить срочно. Я так увлекся ею, что не услышал, как кто-то вошел в комнату, прошел к моему столу, как все вскочили со своих мест, приветствуя какого-то командира, почувствовал только, когда этот кто-то положил мне руку на плечо. Оглянулся и ахнул: передо мной стоял сам командующий фронтами. Я хотел было тут же вскочить, но та же рука силой усадила меня на место. Жуков заглянул через плечо, а я как раз закончил работу и выводил свою подпись: «Ермолов». Георгий Константинович, увидев подпись, сказал: «Так вот кто, оказывается, такие замечательные карты чертит!» Он приказал нашему командиру наградить меня орденом Красной Звезды за отличную работу». Однако орден этот отличившийся картограф так и не получил.

Тринадцатая армия все время шла в наступление, Кирилл Сергеевич, сидя в холодной землянке, не спал уже много дней и ночей, беспрерывно чертил все новые и новые карты. Ему приносили чуть ли не каждый час свежие данные о перемещении наших и немецких войск. Однажды случилось так, что одно из донесений задержалось, пришло только тогда, когда наши подразделения уже перестроились. Командир срочно приказал начертить карту старого расположения наших войск, а после его ухода пришло донесение, что немедленно нужна карта грядущего наступления. Кирилл Сергеевич знал, что не успеет за несколько оставшихся часов сделать сразу две карты. На свой страх и риск, не доложив своему командиру (тот в это время отсутствовал по другим неотложным делам), он приступил к выполнению карты скорого наступления, а карту, порученную начертить командиром, отложил на «потом». При этом он рассуждал так: «Какой смысл чертить сейчас карту уже прошедшего боя, когда следующий бой может быть проигран или будут большие потери из-за отсутствия карты наступления?» Он быстро и как всегда точно начертил нужную карту и тут же приступил к чертежу, порученному командиром, но не успел начертить и половины, как тот уже входил в землянку. Командир осведомился, как продвигается работа, и, увидев законченную совсем другую карту, рассердился за то, что был нарушен его приказ. Кирилл Сергеевич доложил ему по форме об изменившейся на фронте об-

становке и своем решении. Командир внимательно выслушал его, взял карту и вышел. Советские войска пошли в наступление и без особых потерь выиграли сражение. Командир вернулся в штабную землянку в хорошем настроении и сказал: «Да, на этот раз Вы были правы, Ваша карта действительно оказалась нужнее, но за то, что Вы ослушались моего приказа, я лишая Вас ордена Красной Звезды, а за смелость и находчивость представляю к награждению медалью «За отвагу».

Кирилл Сергеевич, впрочем, был только рад этой перемене наград, он любил и хранил медаль, заслуженную тяжелым трудом. За годы войны он был награжден шестью медалями, самыми дорогими для него были: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Носить их напоказ, как и вспоминать о своих подвигах, Кирилл Сергеевич впоследствии не любил. Лишь изредка самым близким людям рассказывал он о событиях своей военной жизни: «Было это на границе с Германией. Один из наших батальонов попал в окружение, не зная, как пробиться к своим, блуждал по лесу, вязким болотам и стал чем-то вроде партизанского отряда. Армейская разведка предложила выход из создавшегося положения. Меня срочно вызвали в штаб, попросили по данным разведчиков детально изобразить путь, которым батальон мог выйти из окружения. Я просидел над картой всю ночь, ее потом сбросили батальону с самолета. Солдаты наконец-то

вышли к своим». Навсегда запомнил Кирилл Сергеевич, как вбежал к нему в землянку комбат, целовал его и приговаривал: «Спаситель ты наш!»

Много раз военному картографу Кириллу Ермолову по несколько суток приходилось работать в голоде и холоде. От мороза чернела и лопалась кожа на руках, из ран сочилась кровь. Превозмогая сильную боль, перебинтовыв пальцы, чтобы не запачкать карту кровью, он продолжал вычерчивать сантиметр за сантиметром. Бывало, что приходилось чертить в штабе во время воздушной тревоги. Однажды, выполняя срочное задание, Кирилл Сергеевич не стал спускаться в бомбоубежище; снаряд разорвался совсем рядом – здание сильно затряслось, но выстояло, лишь в соседней комнате осколками была разбита печь.

Был и такой случай, когда ночью в ненастную погоду нужно было срочно послать бойца в соседний штаб с донесением и только что вычерченной картой. Немецкие войска были рядом, и командир знал, что никто лучше Кирилла Сергеевича не знает расположения наших и вражеских войск, поэтому решил послать с этим важным

*Сослуживцы. Польша, 1944 г.
(К.С. Ермолов стоит первый слева)*

донесением именно его: «Выручайте, – сказал он, – никто кроме Вас не справится с этим поручением». К.С. Ермолов, хоть и не спал перед этим несколько суток, взял пакет и отправился в опасный путь. Была холодная темная ночь, лил дождь, идти пришлось около десяти километров. По дороге картограф наткнулся на немецкого часового, который окликнул: «Кто идет?» Ермолов не растерялся и, вспомнив школьные знания, по-немецки ответил: «Свои». Из-за шума дождя и темноты часового не распознал, кто перед ним, но, услышав родную речь, успокоился и поехал на лошади дальше, а Кирилл Сергеевич благополучно доставил донесение. За успешно выполненное поручение его наградили медалью «За боевые заслуги».

С 13-й армией Кирилл Сергеевич прошел от Ельца до Берлина. Из Польши он писал брату: «Что я видел? Обгоревшие скелеты зданий. Бедных людей. Пожар одного дома, где мы стояли. Помню, как с товарищами-солдатами мы вытаскивали вещи из огня. На мне уже трещали волосы, от жара в сених горела соломенная крыша, а я застрял в сених с последним столом. Все уже было вынесено или выброшено через окна и двери, хотелось, чтобы ничего не сгорело. Ос-

*Домой на Родину – возвращение советских жителей из немецкого плена
(фото К.С. Ермолова. 1945 г.)*

тался один кухонный стол, мы с товарищем никак не могли протолкнуть его в дверь. Товарищ был уже на улице, а я – в сенях. Последний рывок – стол выдернут, я на пороге у выхода, и в этот момент рухнула стропила. Сгорел дом бедной женщины, имевшей пятерых детей. Командир 13-й армии генерал Пухов приказал немедленно строить новый, и через неделю дом стоял на прежнем месте... Помню одного бедного сапожника, жившего на окраине села у самой опушки леса, который все спрашивал у нас, нельзя ли спилить одно дерево в этом панском лесу, чтобы починить перекладину у прогнившей двери дома? Помню аптекаря-провизора в городе Сандомире, который предоставил нам все удобства в своем роскошном доме. Он очень хорошо знал русский язык, так как до войны учился в Москве и Киеве. Видимо, добрый был человек.

Осталось в памяти и то, что как бы ни были бедны или богаты люди, все же по праздникам и в выходные дни они старались хоть какой-нибудь лепешкой угостить нас, русских солдат».

С войны возвращались не только люди, но и верблюды.
Надпись на боку животного: «Я иду от Сталинграда,
Был в Берлине, Праге – иду домой!» (фото К.С. Ермолова. 1945 г.)

Вспоминая военные годы, К.С. Ермолов говорил, что ему повезло с 13-й армией: ни он, ни жена не получили даже легкой царапины. Вот только уже после войны, когда возвращались на Родину через Западную Украину, его чуть не убил бандеровец. Лишь внимание и наблюдательность спасли Ермолову жизнь. Идя по улице одного из освобожденных городов, он заметил, как что-то блеснуло в чердачном окне. Кирилл быстро заскочил за угол ближайшего дома, в тот же момент с этого угла посыпалась штукатурка от угодившей в него пули. Кирилл Сергеевич доложил о стрельбе начальству, и через некоторое время незадачливого стрелка поймали.

Совсем немного оставалось до российской границы. Ермолов с волнением ожидал встречи с Родиной. По дороге домой, несмотря на запрет начальства, Кирилл Сергеевич многое фотографировал. Так появились удивительные и неповторимые снимки: маленькая девчушка с огромным снопом колосьев пшеницы, верблюд, вместе с бойцами Советской армии прошедший разоренную войной Европу, и многие другие. Все ближе и ближе был военный картограф к родному дому, но судьба забросила его на Дальний Восток – назревала война с Японией. Этого, к счастью, не произошло, и наступление нового, 1946 года К.С. Ермолов отметил в кругу родной семьи.

ФОТОГРАФ,
УЧИТЕЛЬ,
НАТУРАЛИСТ

В ноябре 1945 г. Кирилл Сергеевич вместе с женой Анной вернулся домой с войны. Правда, теперь дом находился не в родном Ельце, откуда они уходили на фронт, а переместился на сотню с лишним верст. Елецкий дом Ермоловых был разрушен во время бомбежки, и Александра Касьяновна с дочерью Ириной и внуками вынуждены были искать новое место жительства. Семья обосновалась в селе Углянец Верхнехавского района Воронежской области. Ирина Сергеевна, заканчивая педагогический институт в Воронеже, работала в Углянской школе сначала учителем русского языка и литературы, а затем директором. Ермоловы немного пожили с родными, подремонтировали их старенький домик; Кирилл заложил большой сад, на диво всем местным жителям. Однако надо было налаживать и свою семейную жизнь, поэтому в январе 1946 г. супруги переехали в г. Борисоглебск Воронежской области. Кирилл устроился на работу развозным фотографом: он ездил по селам и деревням района и области, фотографировал людей по их просьбе, печатал снимки и развозил их заказчикам. Ему нравилась эта работа. Разъезжая в поисках клиентов, он знакомился с новыми местами и новыми людьми. Путешествуя со своим трофейным фотоаппаратом, однажды он оказался в селе Правая Хава, где фотографировал учеников семилетней школы. В разговоре с директором выяснилось, что в школе нет учи-

теля биологии и химии. Кирилл Сергеевич, с детства увлекавшийся этими науками, признался, что давно хотел бы свою жизнь связать с природой и детьми. Так он стал учителем.

В Правой Хаве семье Ермоловых дали небольшой домик с маленькими окнами и земляным полом. Единственной достопримечательностью этого убогого жилья была большая русская печь, она не только обогревала дом, но и служила членам семьи кроватью. У маленького окошка из выделенной завхозом доски Кирилл Сергеевич соорудил небольшой стол, вместо стульев были два деревянных ящика. По вечерам небольшую комнатушку освещала керосиновая лампа. Через некоторое время ее заменила электрическая – Кирилл Сергеевич смастерил ветряной движок, к нему подключил аккумулятор, от которого и подпитывалась электроэнергией небольшая лампочка.

Единственным развлечением был ламповый радиоприемник, также сделанный руками хозяина дома. Соседи частенько собирались вечерами в доме учителя слушать радио. Иногда по просьбе односельчан Кирилл Сергеевич мастерил им такие же приемники, так как настоящие в то время были редкостью.

В Правой Хаве (он проработал там шесть лет, до июля 1952 года) и в селе Забугорье, куда он переехал с Анной, чтобы быть ближе к

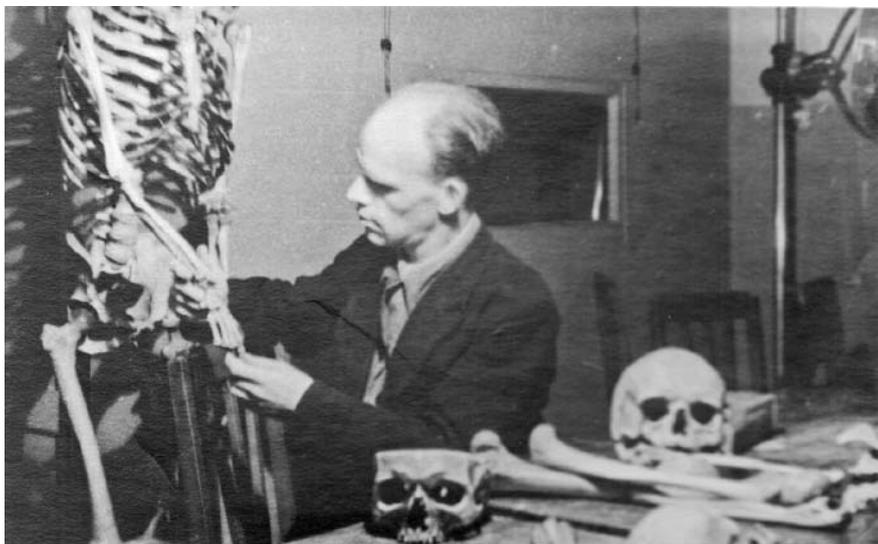
матери и сестре, К.С. Ермолова очень уважали местные жители. Ценили его и как хорошего учителя, и как доброго, чуткого, отзывчивого человека, к которому в любой момент можно было обратиться за добрым советом и помощью. Кирилл Сергеевич был членом партии, с 1950 по 1954 гг. его выбирали секретарем территориальной партийной организации сначала в с. Правая Хава, а затем – в с. Парижская Коммуна.

Любили его и ученики, они стайками ходили за ним в ожидании интересных экскурсий, рассказов о природе и необыкновенных опытов. Опыты были по тому времени действительно чудесными: он мог, например, к большому удовольствию ребят, «усыпить» курицу, положив ее набок на землю и проведя прямую линию на уровне ее глаз. Курица лежала, не шевелясь, пока линию эту кто-нибудь не стирал. После этого она, как ни в чем ни бывало, вставала, отряхивалась и шла по своим делам. При школе Ермолов сделал небольшой инкубатор, благодаря которому дети могли наблюдать за развитием зародыша цыпленка в яйце, это было для них интересно и поучительно. Вылупившихся в инкубаторе цыплят ученики забирали домой и там их выхаживали, вели специальные дневники наблюдений за птенцами. Много было и других интересных опытов и маленьких открытий.

Часто Кириллу Сергеевичу приходилось выступать в роли Доктора Айболита и лечить сельскую живность. Надолго запомнился забиторцам интересный случай. Маленький гусенок, чем-то подавившись, задыхался и почти умирал. Заплаканный мальчишка принес своему учителю погибавшего птенца. Тот, не раздумывая, провел целую операцию: обработал шею гусенка медицинским спиртом, сделал разрез скальпелем, вытащил оттуда какой-то камешек, тщательно еще раз все обработал и зашил рану обычными нитками, замазав шов зеленой. И вот чудо: гусенок не только остался жив, но вырос и стал на долгое время вожаком гусиной стаи, так как ни у кого не поднялась рука резать гуся, спасенного таким чудесным образом. Позже сельчане, завидев этого пернатого, переспрашивали у хозяина, не тот ли это гусь, которого спас Ермолов? Хозяин утвердительно кивал головой, и начинались воспоминания об этой операции. С тех пор так и пошло: то зайчонка хромого принесут, то птицу с перебитым крылом. Некоторых диких животных удавалось спасти и выпустить на волю, других, которые уже не могли жить в природе, Кирилл Сергеевич оставлял у себя.

Постепенно в доме Ермоловых образовался целый зверинец из спасенных им животных. Только птиц разных видов было около шестидесяти! Нередкими квартирантами в семье Ермоловых были зайцы, ежи, белки и лисы. И это, не считая множества кошек, собак, коровы, кур и гусей. За всеми животными, как всегда, помогала ухаживать жена Нюрушка – так ласково называл ее муж. Почти за всеми питомцами он вел ежедневные наблюдения, записывая их в дневник. Постепенно из этих материалов рождались интересные рассказы, которые К.С. Ермолов публиковал сначала в районной газете «Заря коммунизма», а чуть позже и в областных газетах – «Молодом коммунаре» и «Коммуне». Благодаря этим публикациям появились новые знакомые и друзья.

Работая в Забугорской семилетке, Кирилл Сергеевич познакомился с пионервожатым одной из соседних школ Василием Песковым, который в то время тоже начинал писательскую деятельность. Их знакомство переросло в крепкую дружбу. Василий Михайлович в то время был нередким гостем К.С. Ермолова, у него он учился вниманию и наблюдательности ко всему окружающему. Ермолову, в свою очередь, очень нравились статьи о природе молодого журналиста,

Во время занятий в Ленинградском университете

уже тогда он пророчил ему великое будущее. Позже, когда В.М. Песков, став корреспондентом газеты «Комсомольская правда» переехал жить в Москву и путешествовал по всему миру, он вел оживленную переписку со своим земляком. Кирилл Сергеевич иногда завидовал Василию Михайловичу, что тот может ездить и по родной стране, и за рубежом, может писать обо всем, что встречается ему на огромном пространстве нашей планеты. В.М. Песков отвечал, что будь он на месте Кирилла Сергеевича, работал бы не вширь, а вглубь. Всю свою дальнейшую жизнь К.С. Ермолов следовал этому совету.

В конце пятидесятых Кирилл Сергеевич поступил на заочное отделение естественного факультета Ленинградского университета. Два раза в год, зимой и летом, он ездил сдавать сессию, знакомился с прекрасным городом, в свободное от занятий время посещал музеи и выставочные залы. Все это оставило неизгладимые впечатления на долгие годы жизни. Здесь он встретился с писательницей Ольгой Кретовой, их переписка потом длилась долгие годы.

Учеба, работа и новые знакомства с писателями и журналистами помогали Кириллу Сергеевичу стать мастером слова. Его статьи о природе приобретали популярность среди читателей.

ЕГЕРЬ
И НАУЧНЫЙ
СОТРУДНИК

В ноябре 1960 года К.С. Ермолова, теперь уже известного в Воронежской области натуралиста и знатока природы, пригласил на работу директор Воронежского государственного заповедника Николай Николаевич Цыцаркин. Кирилл Сергеевич был очень рад такой перемене в своей судьбе, ведь еще в юношеские годы он мечтал жить в лесу, поближе к зверям и птицам. В автобиографии, написанной при приеме на работу, он писал: «Остаток своей деятельности хотел бы посвятить работе в заповеднике, где я мог бы свободно наблюдать за жизнью животных и тем принести определенную пользу как в интересах заповедника, так и в интересах своей Родины». Многолетняя мечта наконец сбылась: в возрасте сорока восьми лет Кирилл Сергеевич получил долгожданную должность и переехал с женой и матерью на Придорожный кордон, который находился в пяти километрах от Центральной усадьбы, в буквальном смысле на пересечении всех звериных троп.

Сохранившиеся дневниковые записи Кирилла Сергеевича позволяют представить один день из жизни егеря Воронежского заповедника начала 60-х годов:

«10 января.

Погода. Пасмурная, тихая, совсем теплая. Почти всю ночь, как бы нехотя, шел очень редкий снежок. До 3-х часов дня без осадков, после 3-х опять очень мелкий снежок. Температура +1. Снег пластичен и дает хорошие отпечатки следов.

Задание. Утром был у Ковалевского. Получил на завтра задание: заложить соль в солонцы в 313, 252, 293, 294, 336, 421, 422 кварталах.

Наблюдения. Ходили с Нюрой в 313 кв. к месту бывшей ловушки и видели очень много следов диких свиней. Нашли две кабаньих «купалки»... Попались следы лисицы, белки и куницы, а оленей не было.

Тревога. Придя домой, я застал у себя наблюдателя с Крутовского кордона И.И. Смолякова. Он сообщил, что в 272 кв. залегли два волка, гонявшие ночью оленя. Я немедленно сообщил И.И. Ковалевскому... Он объявил тревогу, и все были в сборе. На машину погрузили флажки... Подошли машины с охотниками, но увы!.. все напрасно. При первом взгляде Ковалевского оказалось, что это не волки, а собаки. Пыл и страсть у всех сразу остыли. Но хуже всех было т. Смолякову. Ведь по его вине сделана была напрасная тревога... Он осрамился. И.И. сказал ему: «Бить собак – это уж твое дело, и ты займись этим немедленно, чтобы они не гоняли оленей! В общем же встряска всем была не лишняя, все проверили свою готовность...

*Кирилл Сергеевич с женой
на Придорожном кордоне*

ку и читала вслух, а я занимался легкой сидячей работой: чинил сети для ловли птиц или занимался их усовершенствованием... Так за последнее время были прочитаны некоторые книги, главным образом о жизни охотников и натуралистов, а также из жизни зверей... Потом чтение и работа прекращаются на некоторое время, мы ужинаем вареной или печеной картошкой и пьем чай с пышками или с черными присоленными сухарями. Затем мама заканчивает чтение, а я – работу... Нюра и мама ложатся спать, а я еще некоторое время работаю: пишу дневник или письма... Около двенадцати ночи ложусь спать».

За продуктами приходилось ходить пешком или ездить на мотоцикле на Центральную усадьбу. Кирилл Сергеевич скрупулезно заносил в дневник все расходы, учитывая каждую копейку. Ведь жили

Разное. 1. По указанию ИО директора т. Жаркова И.В. подал ему докладную об обрыве телефонной линии.

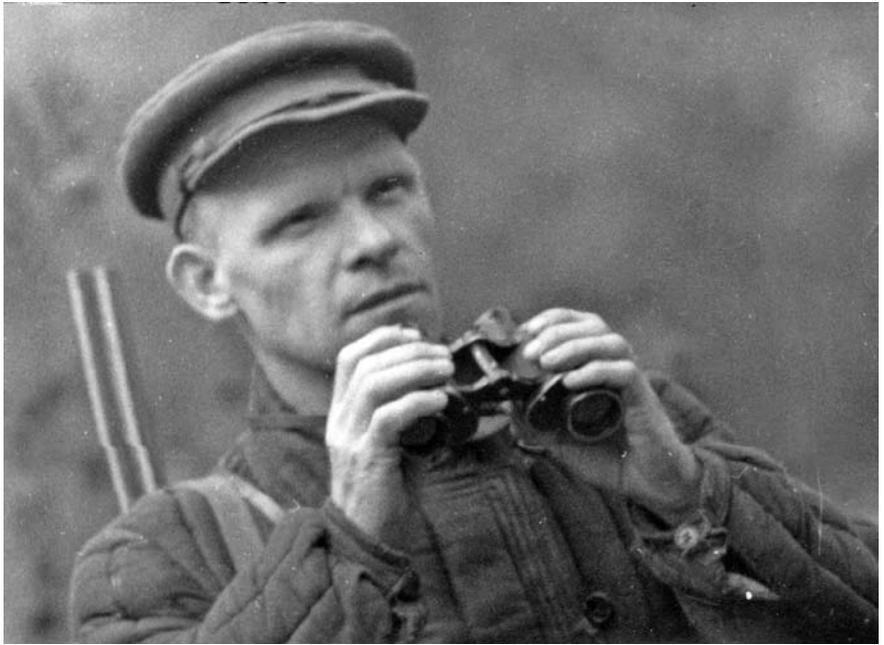
2. У т. Вострикова И.Ф. взял два патрона, заряженных картечью, для отстрела бродячих собак.

3. Получил у Ковалевского кольца для кольцевания мелких птиц – 75 штук.

4. Нанес на схематический план заповедника поквартальное размещение солонцов.

После работы, как всегда, вместе с Нюрой пилили и кололи дрова, носили воду.

Вечером в последние дни у нас выработался такой порядок. Нюра, устроившись на маленькой скамеечке у печки, подбрасывала дрова в топку. Мама брала у меня какую-нибудь книж-

втроем на зарплату егеря – 31 рубль в месяц! Будучи очень скромным и неконфликтным человеком, Кирилл Сергеевич стеснялся спорить с продавцом, когда чувствовал, что его обсчитывают в магазине. Отчитываясь о своих покупках дома, он безответно выслушивал попреки своих женщин по этому поводу, а также недовольство жены затратами на книги и фотопленку. Свои переживания доверял только дневнику: *«Жить очень трудно. Но, тем не менее, я наотрез заявил жене, что из заповедника никуда не пойду. Питание для них (жены и матери) плохое: хлеб да картошка с капустой, квас с хреном, да чай с черными сухарями. Сейчас особенно плохо. На мясо и жиры не хватает зарплаты, а корова перестала доиться. Наш котик Барсик и то приуныл... питается одной картошкой с сухарями... Все же мне здесь нравится, и работа по мне. Живы будем, проживем зиму, а там и полегче будет. Будем рыбку подлавливать, собирать ягоды, грибы, заведем огород. Вот оно и полегчает...»*

Руководил работой егерей охотовед Игнат Игнатович Ковалевский. По телефону или при личных встречах он поручал ловить и кольцевать птиц, выяснять суточный ход оленей, сделать зимний

маршрутный учет по следам животных. Кирилл Сергеевич с энтузиазмом выполнял все поручения, проходя многие километры по глубокому снегу и «распутывая» следы животных. Все наблюдения тщательно записывал и, будучи профессиональным картографом, делал точные схемы, отмечая оленьи и кабаньи тропы, лежки, места жировок.

Администрация заповедника отметила столь ценного работника, и уже в апреле 1961 г. «в соответствии с проявленными во время работы в заповеднике знаниями и опытом в отлове птиц для кольцевания» К.С. Ермолова назначили старшим егерем с окладом 50 руб. в месяц.

Заповедник стал для Ермолова не просто местом работы, но и родным домом. Его собственный дом, как и раньше, был согрет теплом и заботой любимой жены, детей в их семье заменяли многочисленные пернатые и четвероногие. Однако Анна вскоре тяжело заболела – видимо, сказались суровые годы войны, пережитое семейное горе. Александра Касьяновна ухаживала за больной снохой, вела хозяйство. Ермоловым дали квартиру на Центральной усадьбе – поближе к «цивилизации»: Анне все чаще требовалась помощь врача. Однако усилия врачей и родных были тщетны, в конце ноября 1962 г. Анна умерла.

Александра Касьяновна и Анна с больным олененком

Потеря близкого человека сильно подкосила Кирилла Сергеевича, он забросил учебу (за плечами было 4 года Ленинградского университета!) и полностью погрузился в работу. С раннего утра уходил Кирилл Сергеевич в лес и возвращался оттуда поздним вечером. Лес – этот родной и до боли знакомый мир – заполнял душевную пустоту, врачевал сердечные раны. Вечерами Кирилл Сергеевич также не позволял себе расслабляться: все увиденное и услышанное за день записывал в свои дневники, вел многочисленные отчеты о проделанной работе, печатал в небольшой фотолаборатории снимки снятых им животных.

Его утешали четвероногие друзья – лисы Рыжик и Люська. Кирилл Сергеевич выкормил малышей, оставшихся без матери, и теперь подросшие лисички навевались к своему спасителю. Они весело и беззаботно играли перед его домом, брали пищу из его рук.

По-прежнему в доме обитали десятки спасенных птиц. Со всех концов леса, а то и из-за его пределов Ермолову несли подранков-птенцов, маленьких зверьков-найденшей, которых нужно было суметь выкормить, вылечить, помочь им найти и занять свое место в лесу. В большинстве случаев Кириллу Сергеевичу это удавалось. Но сколько труда, терпения и заботы приходилось вкладывать в пернатых и четвероногих питомцев. И, конечно, работа, работа...

Постепенно круг должностных обязанностей старшего егеря К.С. Ермолова увеличивался. В 1964 г. Кирилл Сергеевич стал участником впервые проводимого в заповеднике авиационного учета копытных животных: вместе с заместителем директора по научной работе И.В. Жарковым и научным сотрудником В.А. Комаровым егери К.С. Ермолов и В.И. Пронин на самолете ЯК-12 за три дня осмотрели всю территорию заповедника и насчитали 1070 оленей. На следующий год наряду с авиаучетом копытных, учетами норных животных и мелких млекопитающих Ермолов помогал егерю В.М. Крюкову во время осеннего обследования бобровых поселений на р. Усманке. В 1965 г. И.В. Жарков вменил в «Обязанности старшего егеря Ермолова К.С.»:

«а) ответственное исполнение научных мероприятий:

Фенологические наблюдения за животными;

Учет мышевидных грызунов леса (весной и осенью);

Учет нор лисицы, барсука и енотовидной собаки;

Учет мелких птиц на постоянном маршруте.

б) Участие в зимней подкормке животных

в) Участие в отлове копытных временно обездвиживающими препаратами под руководством В.А. Комарова и помощь последнему в проведении опытов по теме

г) Регулярная подача информации о работе заповедника для газет «Коммуна» и «Молодой коммунар»

План работы Ермолова на 1966 г.

Январь – составление годовых отчетов по учетам животных.

Январь-март – Контроль за зимней подкормкой копытных по Борскому лесничеству ВГЗ в соответствии с приказом № 14 от 24.01.1966 года. Подготовка и проведение зимне-весенних учетов копытных. Фенологические наблюдения за животными.

Апрель – Обработка материалов для Летописи природы и проведение весенних фенологических наблюдений.

Май – Учет мышевидных грызунов леса. Учет норников. Учет мелких птиц на постоянном маршруте. Фенологические наблюдения.

Июнь-июль – Учет норников. Окончание учета мелких птиц. Составление отчетов за первое полугодие.

Август – Отпуск за 1966 г.

Сентябрь-октябрь – Подготовка к учету оленей на реве и проведение учета оленей и в конце октября – учета мышевидных грызунов.

Ноябрь-декабрь – Отлов оленей с помощью временно обездвижи-

вающих средств в качестве бригадира второй бригады с переводом на время отлова на сдельную оплату труда.

Фенологические наблюдения за позвоночными животными производятся непрерывно в течение всего года. Обработка материалов учетов и подготовка сведений для Летописи природы производится в дни свободные от полевых работ».

В середине 1950-х годов бригады егерей под руководством научных сотрудников производили отлов оленей. Численность этих животных в Воронежском заповеднике была очень высокой, и их отлавливали для расселения на другие территории. Сначала оленей ловили сетями, однако этот способ был очень трудоемким, кроме того, перепуганные животные часто получали травмы, да и для ловцов отлов сетями порой был небезопасным. В своем дневнике Кирилл Сергеевич описывает свое первое участие в таком отлове: «Обнаружив оленей на лесосеке на жировке и лежке в кв. 337 и установив 400 м сетей в кв. 336, протянули от них в стороны красные флажки. У краев сетей на просеке остались по 3 человека для наблюдения («молчуны»). Остальные («крикуны»), обойдя место лежки оленей и зайдя им в тыл, начали двигаться по всему фронту в сторону сетей. Когда олени тронулись «крикуны» начали «нажимать» и шуметь – пугать оленей. Олени (их было около 20) разделились на две группы и трону-

Перевозка отловленных оленей

лись в сторону сетей, боясь перейти красные флажки. Когда первая группа оленей пересекла просеку, «молчуны», не знавшие, что есть еще одна группа животных, побежали друг к другу, отсекая оленям путь назад и загоняя их в сеть. Увидев сеть, часть оленей повернула назад, и «молчуны» оказались между ними и второй группой животных, которых гнали на них «крикуны». Олени, очутившиеся между двумя группами загонщиков, заметались, прорвали цепь флажков, все животные разбежались. Встретившись, «крикуны» и «молчуны» стали ругать друг друга, забыв проверить сети, в которых запутался один олень. В результате и это животное убежало...»

Во второй половине 1960-х годов старший научный сотрудник заповедника Владиль Афанасьевич Комаров разработал и внедрил в практику способ временного химического обездвиживания животных. В пулю малокалиберной винтовки закладывалось химическое вещество типа яда кураре. Попадая под кожу животного, яд из пули всасывается в кровь и оказывает временное воздействие на нервную систему. При этом мускулатура животного расслабляется, и зверь некоторое время не может двигаться.

Вот таким методом в Воронежском заповеднике было отловлено для расселения более трех тысяч оленей. Старший егерь К.С. Ермолов работал в бригаде В.А. Комарова. Он сам описал эту необычную охоту. «Легкий скрип полозьев, мерный топот лошади, темная стена леса в предраассветной мгле, пахучее сено в саях, красный огонек тлеющей папироски нашего бригадира, старшего научного сотрудника В.А. Комарова...

С наступлением рассвета полагается на саях сидеть смирно, язык держать за зубами и смотреть в оба. Всего нас четверо. Бригадир-стрелок сидит на правой стороне саней и смотрит влево по ходу лошади, егерь разместился напротив бригадира и осматривает правую сторону леса. Наш ездовой именуется себя не иначе, как «шоффером первого класса» и в шутку нашу часть саней называет «кузовом», сам он, получается, сидит в «кабине»... Он правит лошадью и следит за лесом спереди. Когда кто-нибудь обнаруживает оленя, бригадир командует: «Приготовиться!»... По команде «Стоп!» ездовой нажимает на все «тормоза»... Теперь никто не должен шелохнуться. Только стрелок осторожно сходит с саней, подкрадывается к животным, тщательно прицеливается и выстреливает.

После выстрела замирает и сам стрелок. Все безмолвно следят за поведением оленей. Подстреленный олень часто продолжает пас-

тись... или уходит вместе со стадом. Тогда стрелок осторожно следует за животными. Колчан (лошадь – четвертый член бригады) с санями привычно остается на месте, а егеря и ездовой следуют за бригадиром на расстоянии видимости. Каждый из охотников подпоясан мягкой толстой веревкой с петлей на конце. Кроме того, у каждого из нас на вооружении своя определенная вещь. У стрелка – карабин, у егеря – ветеринарная сумка с набором медикаментов, игл и шприцов, у ездового – небольшие меха, похожие на кузнечные. Все это – простейший набор инструментов для реанимации животного (если понадобится)».

Погоня длится до полудня. Наконец у их ног – слабодышащий, неспособный пошевелиться олень. Ему обрабатывают ранку, делают уколы, искусственное дыхание, за этим занятием проходит еще полчаса. Олень начинает дышать чаще, пробует встать, но его связывают, и сани с добычей направляются на Центральную усадьбу. Здесь в течение двухнедельного карантина зверей подкармливают, лечат и отправляют на расселение. Так заповедные олени появляются в местах, где эти животные исчезли по вине человека.

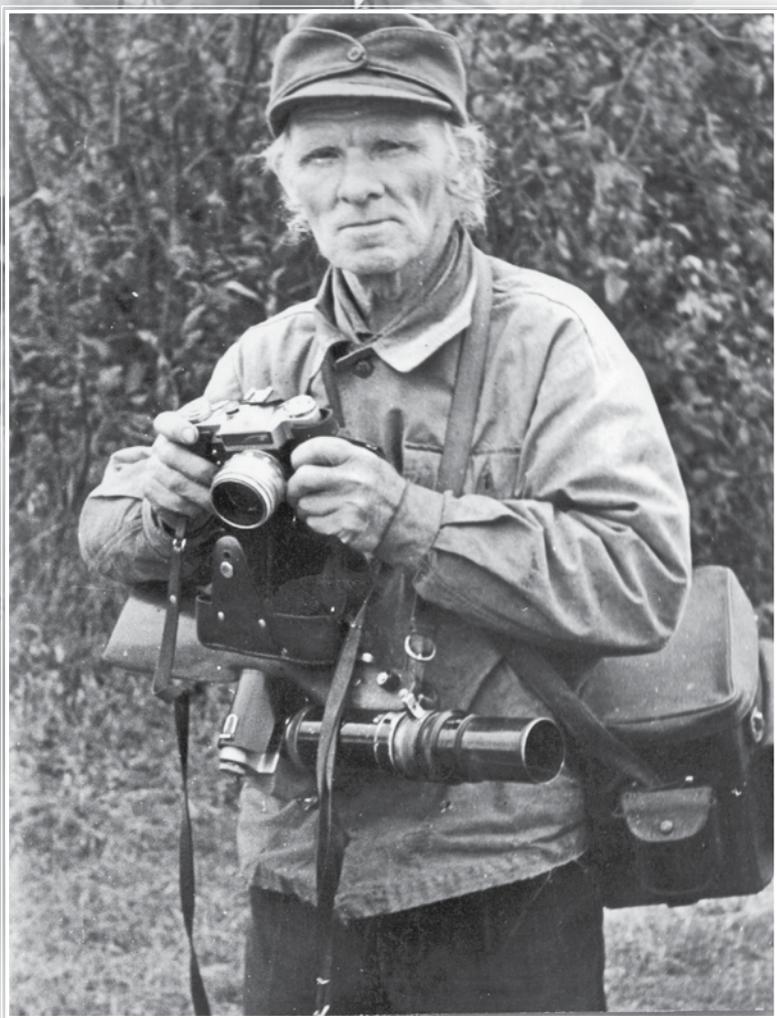

В.А. Комаров с обездвиженным оленем

Кирилл Сергеевич любил такие охоты, возвращавшие ослабевшим животным жизнь. Зато как горько бывает встретить на глубоком снегу алые капли крови – выстрел браконьера ранил оленя. Олень убежал, но долго ему не прожить... Браконьеру недосуг догонять раненого зверя. Но егеря не может не идти, пока есть надежда спасти животное, и нередко поиск продолжается до сумерек. Иногда удавалось спасти раненых оленей, но чаще после нескольких часов поиска егеря наткнулся на уже неживого зверя. В такие дни Кирилл Сергеевич возвращался в свой домик измученным, внутренне опустошенным.

В 1967 г. Кирилла Сергеевича перевели на должность охотоведа, а в 1969 г. он стал младшим научным сотрудником и соисполнителем научного мероприятия «Улучшение условий обитания и регулирования численности редких и охраняемых животных». Ермолов принимал активное участие в формировании томов Летописи природы – ежегодного отчета о состоянии природного комплекса заповедника, а также исследований и работах, проводимых на охраняемой территории. Еще в 1961 г. (т.е. спустя год после прихода на работу) Кирилл Сергеевич уже был автором небольшого раздела Летописи природы заповедника – он обобщал «Наблюдения за фауной». В 1966 г. он вместе с замдиректора по научной части И.В. Жарковым и зоологом В.А. Комаровым формировал раздел «Наблюдения за динамикой численности животных», а в 1970 г. подключился к работе метеоролога и фенолога по составлению «Календаря природы». В 1972 г. Кирилл Сергеевич собирал и обобщал материалы по численности норных животных, мелких млекопитающих и птиц, а также составлял очень подробный календарь природы.

В 1972 г. К.С. Ермолов ушел на заслуженный отдых – на пенсию, но не расстался со своей работой. Некоторое время он по-прежнему продолжал работать в научном отделе, потом устроился сторожем: сначала дежурил у шлагбаума на въезде в лес, затем охранял гараж. Как и прежде, уже не по службе, а по призванию, Кирилл Сергеевич с раннего утра уходил в лес, словно боясь пропустить в нем какое-то важное событие. Со своими неизменными друзьями – фоторужьем и записной книжкой – он бродил в поисках новых открытий, возвращаясь домой только после захода солнца.

ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ
И ЖУРНАЛИСТ

В 1960–1980-е годы еще не существовало термина «экологическое просвещение», однако многие ученые – биологи и географы того периода были истинными просветителями: со знанием дела и огромной любовью они писали о красоте нашего родного края; показывая, какой хрупкой и ранимой может быть природа, учили своих соотечественников понимать и чувствовать окружающий нас мир, сострадать нашим соседям по планете, жить так, чтобы не нарушать природное равновесие. Многие воронежцы (да и не только воронежцы!) собирали в то время статьи о природе нашего земляка Василия Михайловича Пескова, опубликованные в «Комсомолке». В воронежских газетах размещали свои заметки известные ученые-зоологи Леонид Леонидович Семаго и Илья Ильич Барабаш-Никифоров. В 1960–1970-е годы Воронежское отделение Всероссийского общества охраны природы издавало многочисленные научно-популярные сборники о природе Черноземья: «Родные просторы», «Воронежские просторы», «Край Черноземный», «Наш край». Воронежские биологи, географы и краеведы на страницах этих научно-популярных изданий рассказывали землякам об интересных и необычных явлениях и событиях, новых находках и работе специалистов по охране родной природы. Не остались в стороне и научные сотрудники Воронежского заповедника – Л.С. Лавров, Л.А. Гоббе, В.В. Иевлев, В.В. Трегубов и другие. Популяризация знаний о природе, о Воронежском заповеднике, разъяснение людям необходимости охраны природы и важности заповеда-

И.И. Барабаш-Никифоров, И.Я. Шемякин, Л.Л. Семаго и К.С. Ермолов обсуждают страничку о природе в газете «Коммуна»

КИРИЛЛ ЕРМОЛОВ

**ЛЕСНЫЕ
МГНОВЕНИЯ**

ния всячески поддерживались администрацией заповедника.

Кирилл Сергеевич Ермолов активно принимал участие в этой работе, его должностные обязанности включали подачу информации о заповеднике для газет «Коммуна» и «Молодой коммунар». Любовь к наблюдениям в природе, умение увидеть необычное, многолетний опыт общения с окружающим миром, юношеское увлечение фотографией, ставшее профессией, давняя привычка вести дневники, описывая увиденное, а также сотни прочитанных

книг – все это «сделало» Кирилла Сергеевича интересным собеседником для всех любителей природы. Он общался со школьниками и студентами, консультировал научных сотрудников, журналистов и операторов, делавших репортажи, сюжеты и фильмы о природе.

Многочисленные дневниковые записи, фиксировавшие увиденное и услышанное в заповедном лесу, подмеченное при содержании «пернатых и хвостатых» питомцев, постепенно превращались в замечательные рассказы о природе, сопровождаемые чудесными фотографиями. Районные и областные газеты охотно печатали заметки и фотографии своего давнего внештатного корреспондента. Воронежские радио и телевидение делали интересные передачи о природе с участием Кирилла Сергеевича.

Десять «заповедных» лет Кирилла Ермолова подарили ему множество счастливых и волнующих мгновений общения с лесом и его обитателями. Дневниковые записи и небольшие заметки-наблюдения постепенно сложились в сборник рассказов «Лесные мгновения»

(1970). «Богат и красив наш край. Но одним из наиболее замечательных и любопытных уголков его является Воронежский государственный заповедник, истинная жемчужина русской природы... Я живу и работаю в этом заповеднике. По долгу службы много бываю в лесу, наблюдаю за жизнью животных и почти не расстаюсь с фотоаппаратом либо кинокамерой. Снимаю, записываю. И вот все то, что радует и волнует меня, хотелось бы сделать достоянием многих – написать об этом», – так начал свои «Лесные мгновения» Кирилл Ермолов, член Союза журналистов СССР.

«Лесные мгновения» – это рассказ о жизни заповедного леса в разные сезоны года. Месяц за месяцем в своем повествовании перелистывает листочки календаря опытный фенолог, подмечая и объясняя то, на что не всякий специалист обратит внимание. «Лесные мгновения» – это тончайшие наблюдения натуралиста за повадками и образом жизни лесных обитателей. Это истории о благородном труде ученых, егерей, лесных наблюдателей и многих других работников заповедника, чьей задачей является изучение и сохранение природы родного края. Это книга-размышление о нравственности и ответственности, это боль за раны, наносимые природе человеком. «Лесные мгновения» – это звуки и краски заповедной природы, это фотографии, остановившие эти мгновения и сделавшие их неподвластными времени. Недаром книга пользовалась успехом не только среди ученых-биологов, натуралистов, но и у всех неравнодушных к жизни и судьбе нашего леса.

Немного позже Кирилл Сергеевич стал одним из авторов книги «В заповедном лесу», вышедшей в Центрально-Черноземном книж-

*Корреспондент «Комсомольской правды» В.М. Песков –
частый гость Воронежского заповедника*

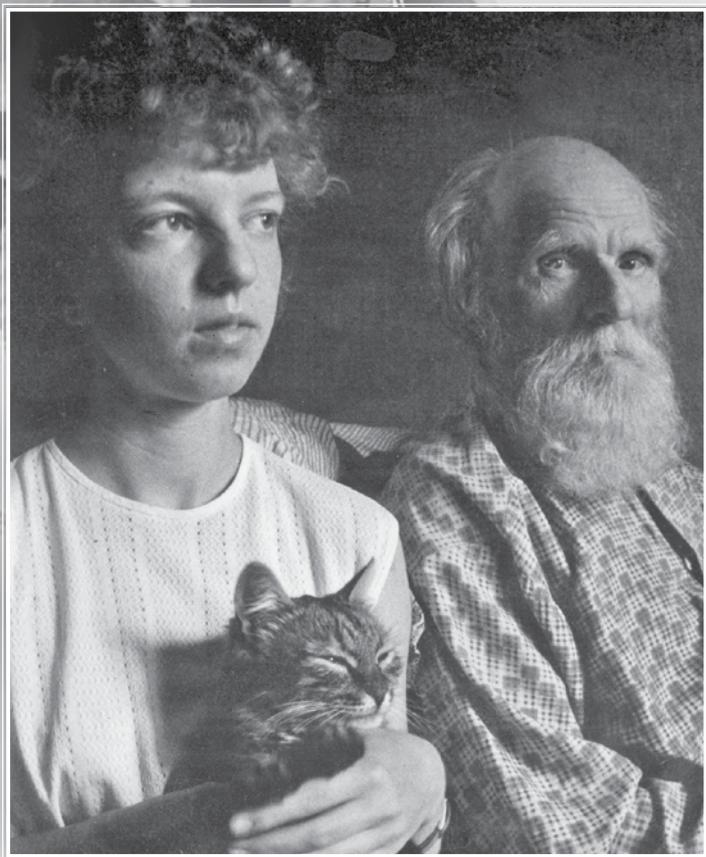

К.С. Ермолов с немецким ученым К.Фабри и переводчицей

ном издательстве в 1972 г. под общей редакцией кандидата биологических наук Л.С. Лаврова. В этой книге Кирилл Сергеевич написал главу о жизни «Обитателей нор и дупел» – куниц, белок, барсуков, лисиц и других животных.

Активно занимаясь журналистской работой, Кирилл Сергеевич был знаком со многими представителями этой профессии, а также учеными, натуралистами. Он общался с писателями Олегом Волковым и Ольгой Кретовой; в поисках редкого кадра проходил не один десяток километров заповедными тропами с ученым и известным популяризатором идей охраны природы Леонидом Леонидовичем Семаго и плывал на лодке по заповедной речке Усманке с Василием Михайловичем Песковым. Он показывал сокровенные уголки своего родного Усманского бора немецкому ученому Курту Фабри и монгольскому преподавателю института Базару Доржу.

А сколько часов, суток и недель провел он в лесу вместе с приезжими радио- и тележурналистами, фото- и кинооператорами, помогая им снять сюжеты для телевизионных передач, записать голоса птиц и осенний рев оленя. Его глаза и уши направляли их камеры и микрофоны. Он, как радушный хозяин, уступал удачный кадр; он рассказывал удивительные истории из жизни лесных обитателей и людей, охраняющих природные богатства. Эти истории потом становились сюжетами многочисленных передач и репортажей, газетных заметок, научно-популярных книг и рассказов для детей.

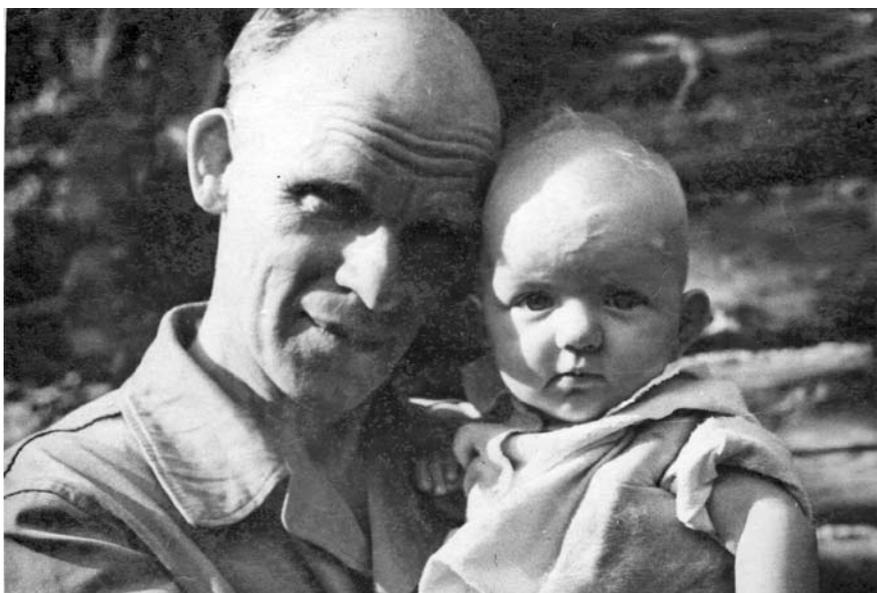

ОТЕЦ,
И НАСТАВНИК

Весна 1966 года принесла серьезные перемены в личной жизни Кирилла Сергеевича, однако эта история началась за несколько лет до этого времени. Еще при жизни Анны семье Ермоловых помогала вести хозяйство молодая девушка Ася – Анастасия Азарова. В 1940–1960-е годы многие административные работники заповедника и научные сотрудники имели домработниц или нянь; это были девушки или женщины из ближайших сел, которые за определенную плату жили в семье или приходили на день, помогали по хозяйству (практически все в заповеднике держали коров, поросят и домашнюю птицу), работали в огороде или присматривали за детьми (детского сада в то время не было). Ася рано лишилась отца – он погиб во время войны, девочка воспитывалась в детском доме. После смерти хозяйки Анастасия уехала в другой город, чтобы устроить свою жизнь: найти хорошую работу, получить квартиру, но надежды не оправдались. Суров был город к молодой, неопытной девчонке без образования и навыков самостоятельной жизни. Помыкавшись, она вернулась в знакомый и привычный, пусть не богатый, но более спокойный и доброжелательный мир. Кирилл Сергеевич попытался устроить судьбу бывшей домработницы, помог ей поступить на рабо-

Семья Ермоловых. 1967 г.

ту. Однако хлебнувшая горя Анастасия пожелала большего – выйти замуж за этого немолодого, но доброго и чуткого к чужому горю человека. Кирилл Сергеевич, после долгих раздумий, согласился оформить с ней отношения. Супругов разделяли 27 лет. Плодом этого во многих отношениях неравного брака стала дочка Леночка – ребенок ожидаемый и любимый.

Вот так и жили Ермоловы: Анастасия работала на бобровом питомнике рабочей по уходу за животными, а к привычным обя-

занностям Кирилла Сергеевича добавились новые – мужа и отца. Став папой в возрасте 55 лет, когда его сверстники уже нянчили внуков, Кирилл Сергеевич души не чаял в своем позднем ребенке. С самого рождения Лена жила в удивительном папином мире. Правда, удивительным и необычным этот мир был

для других людей; для Леночки все было естественно: ее молочным «братцем» стал бобренок Буся (но об этом в следующей главе), игрушками и друзьями – птицы и звери. А как могло быть по-другому?

В доме Кирилла Сергеевича обитали многочисленные птицы, в аквариумах плавали рыбки, озорной бельчонок прыгал по подоконникам, умная птица сова дремала на чердаке. На веранде можно было поиграть «в прятки» с неугомонным лисенком Рыжиком, во дворе – под бдительным взором орла Кузи погладить и покормить плавающего в корыте черного лебедя, не боясь соседских мальчишек, сбегать на лут с журавлем Журкой.

Это у Киплинга человеческий детеныш Маугли попал в мир дикой природы, у Ермолова – лесные жители доверчиво пришли в дом человека. А там, за калиткой, была другая, такая интересная и загадочная жизнь – лесные прогулки-путешествия с папой превращались для Ле-

ночки в настоящие открытия. Кирилл Сергеевич умело посвящал свою наследницу в тайны заповедного леса, с увлечением рассказывая ей об «этажах» (ярусах) и «квартирах» лесного дома, его жильцах и их взаимоотношениях. Он учил дочь различать по голосам птиц, узнавать деревья, цветы и травы. Совместные походы в лес, а затем и фотографирование природы стали общим увлечением отца и дочери.

Иногда в этих прогулках принимала участие и Анастасия. Не все было гладко в отношениях супругов – уж слишком разными они были. Испытывая признательность мужу, гордость за своего Кирилла Сергеевича – «корреспондента и уважаемого человека», к которому приезжают известные люди, Ася мирилась с необычным образом жизни мужа и его не от мира сего увлечениями. Простая, порой грубоватая, она приняла его заповедный мир. Как истинный миссионер, Кирилл Сергеевич умело и ненавязчиво обращал людей в свою веру.

Анастасия решительно и напористо устраивала быт своей семье: в дирекции заповедника она добилась выделения Кириллу Сергеевичу благоустроенного жилья. Бывший фронтовик был слишком скромным и неприятным, чтобы хлопотать за себя. Осенью 1980 г. Ермоловы переехали в двухкомнатную квартиру. Теперь у Кирилла Сергеевича были собственный кабинет и маленькая фотолаборатория, сооруженная в стенном шкафу в коридоре. Центральное отопление и во-

допровод облегчили быт и освободили время для любимых занятий и общения с дочерью.

Для Лены Кирилл Сергеевич был отцом, другом, учителем и духовным наставником. В советском атеистическом мире он жил по библейским законам, усвоенным в детстве. Имея за плечами огромный жизненный и профессиональный опыт, Кирилл Сергеевич воспитывал в своем ребенке оптимизм и терпение, уважение к жизни во всех ее проявлениях. Его собственные душевные силы подпитывали природа и вера – этот источник он открыл и для дочери. «Делай по совести», – отвечал отец, когда Елена обращалась с вопросом: «Как поступить?..» И еще он учил ничего в жизни не бояться. «Страх – это лишение помощи от рассудка», – папину поговорку Лена усвоила на всю жизнь. Как самый заботливый отец на свете, он вел свою дочь по жизни в прямом и переносном смысле: он провожал девочку к школьному автобусу и встречал после занятий; он непременно сопровождал ее – молодую учительницу, возвращавшуюся с работы в соседнем поселке. В один из вечеров его сбил пьяный мотоциклист. Пожилой человек с трудом перенес перелом ноги – по-видимому, эта травма значительно сократила срок жизни Кирилла Сергеевича.

«МОЯ СЕМЬЯ
И ДРУГИЕ ЗВЕРИ»

Вся жизнь Кирилла Сергеевича Ермолова была связана с природой, но это было не простое созерцание, отстраненное наблюдение параллельного мира, существующего рядом. Ермолов жил в этом мире, понимал его, был непосредственным участником его событий – радостных и трагичных. И этот мир принимал человека, доверялся ему.

Многим обездоленным и обиженным «братьям нашим меньшим» помог Кирилл Сергеевич. Рассказывая о К.С. Ермолове и его питомцах, поневоле проводишь аналогию с известным всему миру ловцом и собирателем животных – англичанином Джеральдом Дарреллом, который с детства наводнял свой дом многочисленными четвероногими и пернатými.

Отношение Кирилла Сергеевича к природе, к животным меняло мировоззрение окружающих его людей, заставляло задуматься, будило сокрытые в глубине доброту и сострадание. Любуясь со стороны на игру Кирилла Сергеевича с выкормленными и выпущенными на волю лисятами Рыжиком и Люськой, охотовед заповедника Игнат Игнатович Ковалевский, заядлый охотник, спустивший с лис не один десяток шкур, растроганно говорил: «Убей меня бог, больше не буду». К.С. Ермолов и его питомцы становились героями фильмов и художественных произведений.

БУСЬКА

Буська – это бобр. Попал он в дом Кирилла Сергеевича совсем маленьким беспомощным пуховым комочком. Его нашли во время весеннего разлива рабочие заповедника. Хатку бобровую размыло или затопило поднявшейся водой, родители-бобры куда-то исчезли. Его выловили из бурлящей реки и доставили Ермолову. Тот только руками развел: никогда бобров выкармливать не приходилось, но вы-

бора не было, нужно срочно спасать зверька. На память пришли книги об индейцах, где говорилось и о том, что в их семьях бобрят иногда удавалось выкармливать женским молоком. Он поспешил с пушистым младенцем к жене, которая в это время грудью кормила дочку Леночку. Кирилл Сергеевич показал ей новорожденного пушистика, Анастасии он сразу же понравился, и вместе они решили его «усыновить», благо молока было много, и его хватало и дочери и бобренку.

Вскоре маленький пушистый комочек превратился в большого красавца бобра, который неотступно следовал за своими названными родителями. Привязалась к нему и начавшая ходить Леночка, они весело проводили время. Во время прогулок Буська неизменно вразвалку ковылял за своими спасителями, становился на задние лапы, опираясь на хвост, похожий на весло, купался в корыте, расчесывался лапками-гребнями, подавал голос, выпрашивая у хозяев что-нибудь вкусненькое. Ласковый зверь стал членом семьи Ермоловых, но тут администрация заповедника распорядилась определить Бусю на бобровую ферму. Жаль было расставаться с любимившимся питомцем, но делать нечего.

Буське отвели отдельную вольеру, ухаживали за ним, как и за остальными бобрами. Ермоловы время от времени навещали своего воспитанника, приносили гостинцы. Буся узнавал их, становился на задние лапы, тянул к ним свои передние ручки-лапки, как бы упраши-

*Иллюстрация Т. Васильевой
к книге Е. Суровой «Бобруська»*

вая взять его назад, в ставшую для него родной семью. Но вернуться, к сожалению, было нельзя. У работников бобр-питомника были на него свои планы: бобр, привыкший к людям, дающий себя погладить, стал центром внимания всех посетителей. Его тискали и гладили гости заповедника, снимали фотографы и кинорежиссеры, порой

не давая и часа отдыха в течение дня. Но закон природы суров, бобр – ночной зверь. Люди забыли об этом, а природа – нет. Буська не мог спать днем – не давали покоя люди, ночью же не давали покоя сородичи. Выспавшись, как положено, днем, ночью они резвились, оглушительно шлепая по воде хвостами. Не скоро работники бобровой фермы обратили внимание на перемену в поведении Буськи, а когда заметили, было уже поздно. Однажды бобр не вышел на зов из своего убежища; когда же крышку домика открыли, Буся оказался мертв. Судьба этого замечательного ручного зверя никого не оставила равнодушным. В 1973 г. в издательстве «Детская литература» вышла в свет книга Елены Суровой «Бобруська» – трогательный рассказ о жизни бобренка, спасенного биологом Кириллом Сергеевичем. В 1976 г. в «Сказках и былях зеленого моря» (Издательство «Советская Россия») писатель Владимир Гусев также вспоминает о бобре в рассказе «История Буси».

ЖУРКА И КУЗЯ

Кузя – это орел-могильник, проживший в доме Кирилла Сергеевича около семи лет. Кузя любил своего хозяина, который выходил его, вылечил перебитое крыло. Летать он теперь мог, но не хотел покидать своего спасителя. Так же как и Буська, он следовал за ним по двору, выпрашивая то мышку, то рыбку, то кусок мяса и практически всегда получая желаемое блюдо. Когда орел был сыт, он садился на возвышенное место и оттуда наблюдал за действиями своего хозяина, иногда вмешиваясь в них. Бывало, пилит К.С. Ермолов во дворе дрова пилой-разлукой, а орел приладит-

ся с другой стороны, обхватит лапой ручку пилы и тоже «пилит». Вот такой пернатый помощник.

Журка – журавль, он попал к Кириллу Сергеевичу маленьким птенцом. Его родителей убил браконьер, журавленок мог бы погибнуть, если бы не наблюдательный глаз лесника и не его добрые руки, которые принесли малыша в дом егеря-пенсионера.

Журка еле ковылял на слабеньких, гнущихся от недостатка кальция ножках. Сначала вместе со своей помощницей – шестилетней Леночкой Кирилл Сергеевич кормил журавленка яйцами и творогом. Потом дочка ловила для него кузнечиков и лягушек.

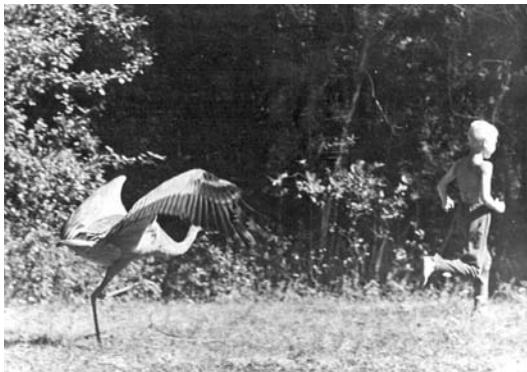

Через некоторое время Журка подрос, окреп и уже самостоятельно ловил насекомых, лягушек и ящериц, прогуливаясь со своей маленькой дамой по лугу. Скоро он догнал ее в росте и теперь, как истинный джентльмен, сам опекал свою маленькую хозяйку. Бывало,

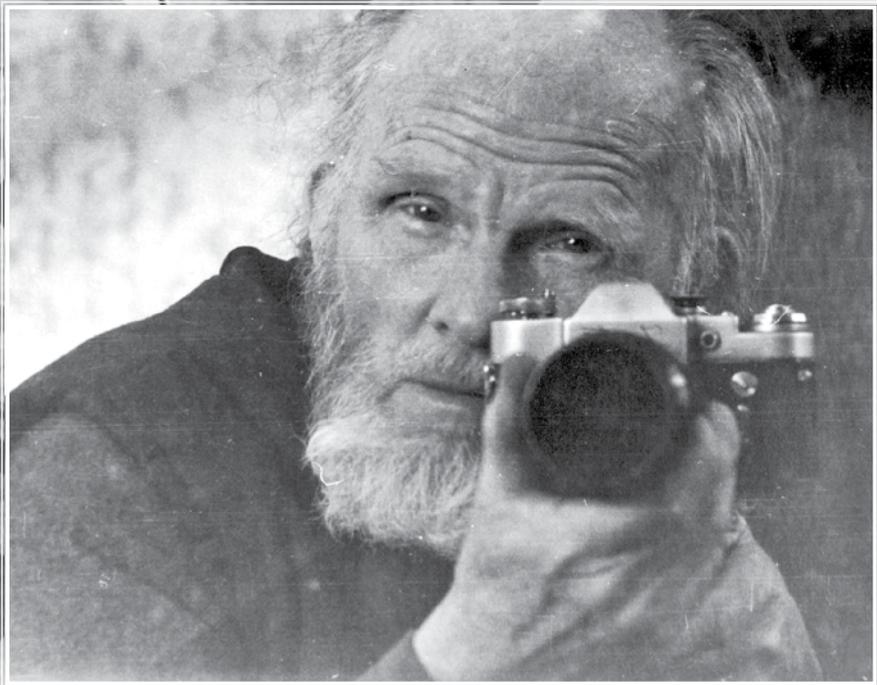

начнет дразнить ее соседский мальчишка, Журка тут же пускается в погоню за обидчиком, догонит – и давай щипать за штаны. Так у Леночки появился защитник.

Прошло лето, наступила осень, животные выросли, зимой держать их было негде. Как ни жалко, а пришлось расстаться и с ними. Белка и лис Рыжик были выпущены в лес. Они долго потом приходили к дому своего бывшего хозяина. А вот Журку, Кузю и черного лебедя забрал Липецкий зоопарк. Кто знает, как сложилась их дальнейшая судьба?²

² Став взрослой, Елена Кирилловна с дочерью посетили Липецкий зоопарк. На одной из вольер было написано: «Орел-могильник». Лена позвала: «Кузя!» Орел медленно и гордо повернул свою голову и внимательно посмотрел на посетителей. Возможно, это был тот самый орел, ведь эти птицы живут долго.

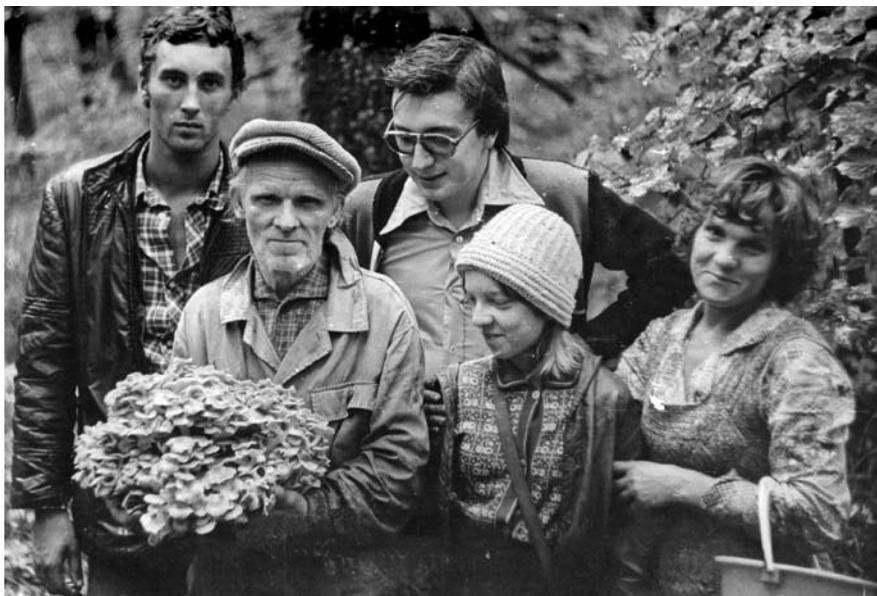

ЛЕГЕНДА
ЗАПОВЕДНОГО ЛЕСА

Жил да был человек, бродил по заповедному лесу, наблюдал, фотографировал и записывал, распутывал звериные следы на снегу и, как собственных детей, лечил и воспитывал птиц и зверьков, попавших в беду, радовался солнечному лучику, отражающемуся в капле росы, и испытывал гнев при виде слез израненной березы. И при жизни стал легендой – легендой заповедного леса.

Кирилл Сергеевич Ермолов боготворил апрель, не только за то, что связан с днем рождения матери и его собственным. *«Я люблю этот месяц, в нем пробуждается жизнь. Все движется, суетится. Приезжайте, когда от подснежников заголубеют поляны – даже когда пишешь, и то как-то приятнее, легче становится»*, – приглашал К.С. Ермолов в заповедник соратников по перу и фотографическому искусству. И к нему ехали, ехали в любое время года, чтобы вдохнуть чистого воздуха и душой прикоснуться к своим истокам. Он был как проводник, канал связи, пуповина между природой и выраввшимся из нее человечеством.

*Гриб-баран. Удивительно рядом, если с вами опытный натуралист.
К.С. Ермолов с гостями и домочадцами на осенней прогулке*

Ехали к Ермолову столичные журналисты, мерзли на вечерних и утренних октябрьских зорях, чтобы услышать и записать вечный зов природы – могучий голос ревущего оленя. Пробирались по колону в снегу операторы – снимали фильм про отлов животных. Кормили заповедных комаров горожане, слушая удивительные рассказы Кирилла Сергеевича, заглядывая в неприметные для их взгляда гнезда, поражаясь невиданным грибам, найденным егерем.

Однажды летом приехали киносъемщики снять документальный фильм об обитателях заповедника. Познакомились с К.С. Ермоловым, но когда узнали об удивительном зверинце в доме егеря, загорелись идеей сделать об этом фильм. Маленькая Леночка, как Алиса в заповедной стране чудес, путешествовала по лугу с журавлем и вела беседы с мудрой совой, кормила из рук бельчонка и сойку, играла с хитрым лисенком. В 1973 году фильм «Леночкины игрушки» вышел на экраны воронежского, а за тем и московского телевидения.

Кирилл Сергеевич был известен не только своими рассказами и фотографиями, он сам был героем многих киносюжетов, газетных заметок и очерков о природе.

В 1973 г. в своем очерке, посвященном К.С. Ермолову (На заповедной Усмани, «Собеседник», Воронеж), журналист В. Будаков писал: *«Говорят, лес прекрасен сам по себе, без единого человеческого*

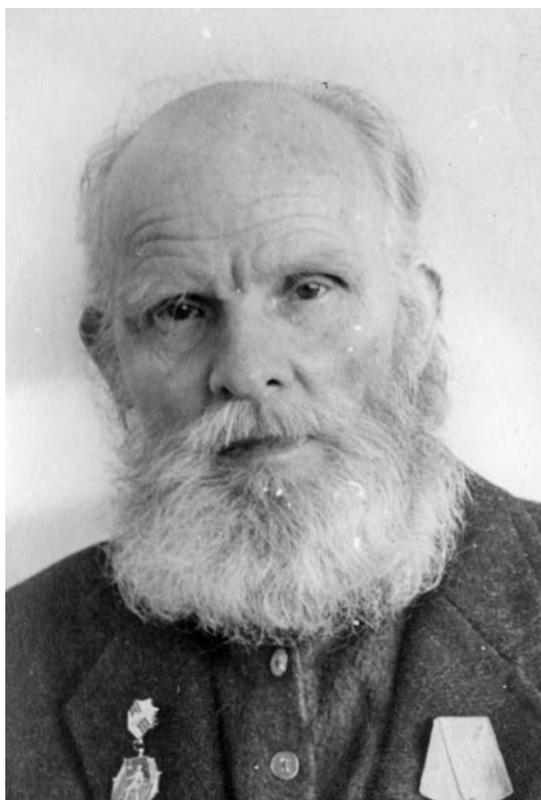

слова. Верно, как и верно другое: природа создала человека, чтоб почувствовать себя... И потому нужны человеческие слова о природе, не только о красоте ее, но и о ее нравственном значении и необходимости человека быть нравственным... по отношению к лесу, зверям и птицам его. Хорошо, если у леса есть люди – не праздные соглядатаи, но знатоки его, оберегающие его зеленый, так необходимый человеку мир».

К.С. Ермолов отличался огромной тягой ко всему новому, неизвестному, наверное, поэтому до конца своих дней оставался в душе молодым. Уже будучи на пенсии, он увлекся рисованием, даже стал посещать художественный кружок, делал неплохие карандашные наброски. Когда из-за почтенного возраста и болезни сердца ходить на большие расстояния стало тяжело, Кирилл Сергеевич за небольшие для того времени деньги купил легковой автомобиль для инвалидов. Выучился вождению, сдал на права и продолжал свои лесные путешествия, добираясь в интересующий его участок заповедника на «железном коне».

К.С. Ермолов часто повторял поговорку: «Век живи – век учись!» – и добавлял к ней, что лучшими учителями для человека являются природа и книги. Им он и посвятил всю свою жизнь.

Кирилл Сергеевич Ермолов умер 5 июля 1992 г. в возрасте 80 лет. Он прожил нелегкую, но такую нужную для людей и потому запомнившуюся жизнь. К 90-летию со дня его рождения Николай Стребков писал: *«Десятый год без К. Ермолова приходит весна в наши края... С уходом людей, подобных Кириллу Сергеевичу, ушла целая эпоха. Нет мира заповедной природы. Да и живем давно в другой стране, в ином столетии. Радует лишь, что его дочь Лена преподает в сельской школе, просыпается чудное создание, внучка, которую он не видел... Полная иллюзия, что вернулись события тридцатилетней давности. Отличие лишь в том, что к ней в кровать не опустится журавль, терпеливо ожидавший ее пробуждения. Жизнь продолжается, но в ней ничто не повторяется, хорошо, что события, свидетелями которых мы были, иногда становятся легендой».*

ОТЕЦ

Он был рабочий и боец,
Писатель и учитель,
А для меня он был отец
И друг, и покровитель...

Отзывчив к людям был и прост,
И чист, и прям, как правда,
И не «ловил он с неба звезд»,
И жил не так, «как надо».

Он не гонялся никогда
За хрусталем, коврами,
Но слушал пенье птиц всегда,
Был встрече рад с цветами.

Любил людей, любил зверей,
И лес родной, и поле...
Хоть жил нередко в нищете –
Судьбою был доволен.

Он целый день в лесу бродил
Звериною тропкою –
И в этом радость находил,
И счастлив был порою.

Рассказов много написал,
Сроднившись с вдохновеньем,
О лесе много рассказал
В своих «Лесных мгновеньях».

Он был ученым, мудрецом,
А мне он был родным отцом,
Был друг и покровитель,
И просто... мой учитель.

1995 г.

ОТЕЦ, НА ВОЙНЕ

Да, время все бежит, спешит,
И бегу нет конца.
Уходят люди... Нет в живых
И моего отца.

Победу празднует народ
Уже в который раз!
Но он на праздник не придет,
Не будет среди нас.

Он не командовал полком,
В окопах не сидел,
Военным не был моряком
И в танке не горел.

Нос к носу не был он с врагом
И не был у них пленным,
А был он просто штабником,
Топографом военным.

И мне рассказывал не раз,
Как он людей от смерти спас.
Враг окружил однажды взвод,
Кругом леса, болота,
Куда солдат наш ни пойдет –
Везде обстрел с налета.

Отцу об этом сообщил
Их командир полка.
И папа карту начертил
С указкою лазка.

И ночью к нашим самолет
Летит... и сбросил вниз пилот

Ту карту. Люди были рады
И тут же вышли из засады.
Таким вот образом не раз
Солдат от смерти папа спас.
По картам тем, что он чертил,
Фашистов наш народ громил...

И до Берлина он дошел,
И в Праге тоже был.
Сам маршал Жуков как-то раз
Ему медаль вручил.

Победу празднует народ
Уже в который раз
Отец мой умер, нет, он жив!
Он в этот день среди нас!

1995 г.

К. С. ЕРМОЛОВ

ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ
ОДУВАНЧИКИ

Желтые цветы одуванчики росли в зеленой траве под яблонькой. Был воскресный весенний теплый день. Я ползал в этой траве и собирал цветы, чтобы сплести веноч. Но я, видно, так устал, что даже заплакал, потому что видел, как к окну подошла мать и сказала что-то отцу. Отец торопливо вышел из дома, взял меня на руки и унес домой. Мама и я только что переболели тифом и еще были так слабы, что почти не могли ходить.

Много лет прошло с тех пор, но я и сейчас люблю одуванчики, должно быть, потому, что теплое весеннее солнце, наш небольшой зеленый сад и эти золотистые цветы, похожие на маленькие солнца, помогли нам выздороветь и набраться сил.

Сад этот с вишнями и яблонями был тем миром, в котором я рос и жил. Папа, мама, теплый дом с крепкой крышей – чего еще не хватало шестилетнему ребенку? Это и была тогда моя Родина. Но потом, по мере роста, по мере накопления опыта и знаний горизонт моих понятий расширился.

Сложнее был жизненный путь, и хотя его дороги всегда возвращали меня к родному порогу, сад мой вырос до понятия славной и необъятной нашей Родины – страны.

И вот война. Курская битва. Орел. Украина, Польша, Берлин, Прага, 9 мая 1945 года. Нелегким был путь солдата от Родины и к ней. Видел я на пути чистенькие города, комфортабельные домики, причесанные газончики и цветники за границей, но мечтал и рвался душой к своей израненной Родине и к своему запущенному, заросшему бурьяном саду. Я видел освобожденных из фашистской неволи русских людей. Они длинными – от горизонта до горизонта – караванами шли по дорогам и сотни километров толкали впереди себя и тянули за собой тележки со своим немудреным скарбом, не ожидая попутных машин. Им не страшны были ни ветер, ни дождь, ни усталость. Их лица светились счастьем – они спешили домой на Родину.

И вот, наконец, она – родная земля. Передо мной целое огромное ржаное поле с уложенными в крестцы снопами и среди них – старая развесистая береза. Я вижу, как в поле у арбы с быками усердно трудятся два человека: девочка лет девяти и дряхлый старик. Девочка едва поднимает тяжелые снопы деду, а тот наверху укладывает их в горку. (Женщины-то, видно, другим делом были заняты).

Всего один шаг, а я сгораю от нетерпения ступить на эту землю, но не могу. Я жду очереди, когда часовые в зеленых фуражках поднимут и мне полосатый шлагбаум. С нетерпением я еще издали, из-за шлагбаума, фотографирую и хлебное поле (с девочкой и стариком), и жду-жду меня в свою тень березу. А дальше – Россия, и там – мой дом...

И вот... Пришел солдат к родному порогу, а порога-то и нет. Родное место узнал по единственной уцелевшей старой груше. Здесь уже был другой дом. Кто-то другой поспешил свить себе гнездо на этом месте. Потом узнал: фашисты по нашему дому из танковых пушек стреляли.

Не захотелось мне тогда ступать на чужой порог и даже подходить близко. Поклонился я родному местечку и ушел навсегда.

Любил я свой дом и свой сад. Теперь вот и нет их, а я все люблю. Давно нет ни отца, ни дома, ни сада – отняла война. Но осталась Родина, и в другом месте нашел я себе уют и работу.

Родина! Это Ленинград, это Киев и Севастополь, это Москва и Дальний Восток. Это Пискаревское кладбище, Мамаев курган и вечный огонь у могилы Неизвестного солдата, это первый спутник и первый вымпел с гербом нашей страны на других планетах. Это первый человек, оторвавшийся от Земли и побывавший в космосе.

Родина!.. Это мое государство и край наш Воронежский. Это место, где я родился, вырос и теперь живу.

Это мать и отец, мой дом, семья и друзья, мой народ. Это наши города и села, заводы и школы, наши нивы, моря и реки, леса и горы, сады, пашни.

Это грозовые раскаты грома и снежный свист пурги, широкие разливы рек и золотой листопад. Это орел, парящий в лазурном небе, и барсук, залезающий в нору на зимнюю спячку. Это осенний могучий рев оленя и трубный победный крик журавля весной, ядреный желудь, упавший с векового дуба, и голубой подснежник, пробивающий себе путь к солнцу из-под снега. Это все вместе и каждое в отдельности составляют нашу Родину, наше Отечество.

*Кирилл ЕРМОЛОВ,
старший егерь Воронежского заповедника, 1965 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Детство.....	4
Годы ученичества.....	12
Самостоятельная жизнь.....	16
Военный картограф.....	20
Фотограф, учитель, натуралист.....	28
Егерь и научный сотрудник.....	34
Фотокорреспондент и журналист.....	46
Отец и наставник.....	52
«Моя семья и другие звери».....	58
Легенда заповедного леса.....	64
Отец (Ермолова Е.К.).....	69
Ермолов К.С. Желтые цветы одуванчики.....	72

Серия книг о жизни и деятельности
выдающихся людей Воронежского заповедника

Воронежский заповедник: Люди и Судьбы

- Леонид Сергеевич Лавров: 100-летию со дня рождения посвящается / Лавров В.Л., Ромашова Н.Б. – Воронеж: Артефакт, 2011. – 43 с.
- Николай Степанович Кравцов / Стародубцева Е.А., Муравина О.М. – Воронеж: БиомикАктив, 2012. – 70 с.
- Кирилл Сергеевич Ермолов / Ермолова Е.К., Стародубцева Е.А. – Воронеж: БиомикАктив, 2013. – 76 с.

Ермолова Е.К., Стародубцева Е.А.
Е74 **Кирилл Сергеевич Ермолов** / Ермолова Е.К., Стародубцева Е.А.; ФГБУ «Воронежский государственный природный биосферный заповедник». – Воронеж : БиомикАктив, 2013. – 76 с. : ил. – (Воронежский заповедник: Люди и Судьбы).
ISBN 978-5-906389-07-7

Книга об удивительной жизни натуралиста и картографа, егеря и научного сотрудника, фотографа и журналиста, воронежского Джеральда Даррелла – Кирилла Сергеевича Ермолова написана практически им самим. В основу положены многочисленные дневниковые записи, его рассказы-наблюдения-размышления о природе и жизни в Воронежском заповеднике, а также воспоминания дочери, публикации журналистов (В. Будакова и Н. Стребкова), называвших Ермолова легендой заповедного леса.

Использованы фотографии из семейного архива Ермоловых, иллюстрации Т. Васильевой, фотография Г.Н. Стасенко.

УДК 639.112.3.470.324 (092)
ББК 47.1 (2 Рос – 4 Вор)

ISBN 978-5-906389-07-7

© ФГБУ «Воронежский
государственный природный
биосферный заповедник», 2013
© Оформление.
ООО «БиомикАктив», 2013